

слуга издательства «Искусство», подготовившего ее выпуск.

В работе В. В. Павлова исследуется тот этап истории художественной культуры Египта, который немецкие ученые именуют «Spätantike». Он не теряет нюансов смысла в русском переводе «поздняя античность», однако автор предпочитает говорить о «позднем этапе восточного эллинизма», следуя в этом отношении традициям русской науки.

Проблема эллинизма на Востоке до сих пор остается одной из остро дискуссионных. Большая группа ученых подходит к явлениям античной художественной культуры восточных стран с меркой отражения в них греко-римских влияний. Напомним, что ведущая проблема проходившего в 1963 г. в Париже VIII Международного конгресса классической археологии была озаглавлена «Влияния греческой и римской цивилизации на периферийные культуры», причем под «периферийными культурами» подразумевались Иран и Индия, Египет и Сирия. Подобный переход неизбежно приводит к тому, что все в восточном искусстве первых веков до и после начала нашей эры, выходящее за рамки греко-римских эстетических критериев, рассматривается как их варваризация. Именно с этих позиций еще до недавнего времени искусство Парфии расценивалось, как деградация персидской художественной культуры, пришедшей к огрубленным подражаниям греко-римскому искусству, гандхарская же скульптурная школа доныне нередко расценивается в основном с точки зрения наслоения традиций римского влияния в скульптуре Индии.

В свете новейших успехов археологии само понятие «эллинизма» уже не может приниматься в историко-культурном плане иначе, как в расширенном понимании термина, учитывающего равную созидательную роль Востока и Запада. Широкий размах исследований, ведущихся в XX столетии в странах Среднего и Ближнего Востока, приносят замечательные открытия, нарастающие, как снежный ком. Они рисуют картину не только исключительного разнообразия, но и своеобразия творческих проявлений эллинизма у разных народов. Раскопки Дура-Европос и особенно Хатры показали на великодушных образцах черты парфянского зодчества и влияния в их западном варианте, в то время как исследования Нисы и Мерва приоткрыли их особенности на восточнопарфянской почве, исследования Таксилы, Хадды и Буткары пролили свет на пути эволюции и сложных историко-культурных связей гандхарской скульптурной школы, в то время как Халчаян, Айртан и Сурх-Котал раскрыли встречный поток бактрийско-кушанской культуры. Перечень этого можно намного расширить.

В. В. Павлов сумел показать один из блистательных очагов культуры восточного эллинизма, каким оставался и под римским владычеством Египет, вскрыв его специфические черты, в которых местное и греко-римское начала не просто наслоились друг на друга, но срались в неразрывном единстве, причем первое неизменно сохраняло ведущую роль.

Г. А. Пугаченкова

Э. И. СОЛОМОННИК. Новые эпиграфические памятники Херсонеса, Киев, 1964, тираж 870 экз.

Благодаря неутомимой работе советских археологов на территории древнего Херсонеса обнаружен богатый эпиграфический материал, который требовал расшифровки, что за 50 лет после выхода в свет I тома второго издания IOSPE (1916 г.) лишь очень немногие надписи были опубликованы, но этот пробел прекрасно восполняет книга Э. И. Соломонник «Новые эпиграфические памятники Херсонеса». Кроме того, в книгу включены надписи, найденные еще до революции, но оставшиеся до сих пор не опубликованными, а также несколько надписей, известных по IOSPE, но впервые прочитанных и дополненных Э. И. Соломонником.

В этой книге собрано 108 греческих и латинских надписей. Некоторые из них пришлось составлять из нескольких незначительных обломков, найденных в разное время. В обработке этого материала Э. И. Соломонник проявила талант и находчивость не только эпиграфиста, но и историка-исследователя, основательно знакомого с научной специальной литературой, как отечественной, так и зарубежной.

При описании каждого памятника прежде всего указаны дата и археологические условия находки, внешний вид камня, материал, сохранность и характерные особенности букв. В тех случаях, когда нет других данных для датировки, дата надписи определяется по характеру шрифта. После этого следует текст надписи с дополнениями и перевод, фотоснимок оригинала, а для плохо сохранившихся надписей — и прорисовки. Самое ценное в рецензируемой книге — это критика и герменевтика надписей. Текст каждой надписи подвергается тщательному лексическому, грамматическому и особенно куль-

турпо-историческому анализу. Для подтверждения своих положений Э. И. Соломоник приводит не только имеющийся уже в наличии эпиграфический материал, но и показания древних авторов, а также архивные данные и современную научную литературу, касающуюся данного вопроса.

В первой главе собрано 13 декретов и почетных надписей, но особое внимание привлекает надпись № 1. Автор отмечает, что особенности прифты сближают данную надпись с декретом в честь Дпофанта и надписью в честь взятия Калос Лимена (IOSPE, I² 352 и 353) и позволяют с уверенностью датировать ее тем же временем, т. е. концом II в. до н.э. Новая надпись представляет собой почетный декрет в честь неизвестного лица за крупные заслуги перед городом в период Дпофантовых войн. Вот текст надписи с дополнениями Э. И. Соломоник:

- 1 -----,] θ λ ι βομ-
 [ένων τῶν πολιτῶν ----- ὅπως ἐπι[σκη]εῦσθῃ ἐκ τῶν ιδ-
 [ίων τὰ τεῖχη-----] επικαιρότατον ὑπάρχοντα
 -----?εὐστ[αθίας λόγον ποιησάμενος
 5 ----- παρεχόμε]νος σπουδὴν καὶ φιλοτιμίαν
 [ποτὶ τὸν δάμον-----] σφάλειαν οὐ μικρὰς καὶ τας
 ----- ἐν] τῷ αὐτῷ ἔτει παρακαλ-
 [έσας-----] χ[ρήματα παρὰ τοῦ δά[μου]
 -----] ἐπὶ Ναπιταν φρούρι[ον]
 10 ----- ἐπήγ[γε]ϊλατο εἰς τὰ [μέλλοντα]
 ----- βέ[λ]τιο[ς] ἢ οὐδὲν ε[-----]
 -----] παραιτεῖται
 βι

(Слово Ναπιταν выступает без акцента, потому что здесь возможны два варианта — Ναπιταν — acc. sing. или Ναπιτῶν — gen. plur.).

Автор приходит к правильному выводу о том, что уже в первых строках характеризуется критическое положение города, когда государство вынуждено было призвать на помощь наиболее состоятельных граждан. Из декрета ясно, что чествуемый гражданин принимал целый ряд мер для обеспечения безопасности города и помощи своим согражданам, и, кроме того, собрав предварительно средства от народа, он, по всей вероятности, перешел к непосредственному участию в военных действиях.

Наиболее интересные пояснения дает Э. И. Соломоник в связи с 9 стк. рассматриваемой надписи. В ней названа крепость Напит, против которой выступил чествуемый гражданин во время Дпофантовых войн. Эта крепость, как предполагает автор, принадлежала скифам, хотя ни в источниках, относящихся к истории Дпофантовых войн, ни в других материалах по топонимике Крыма такое название не встречается. Однако сопоставляя сообщения Стефана Византийского, Плутарха, поэта IV—V вв. н. э. Орфея, Додора Сицилийского и Аммиана Марцеллина, Э. И. Соломоник с полным основанием утверждает, что скифское поселение Напит, о самом существовании которого можно было говорить лишь предположительно, действительно находилось в Крыму. Кроме того, из декрета видно, что военные действия против Напита (как и против Калос Лимена) вели не войска Дпофанта, а отряд херсонесских войск. Следовательно, херсонесцы принимали более активное участие в войне, чем мы себе раньше представляли. Таким образом, в свете новой надписи свидетельства Стефана Византийского и других историков приобретают историческую достоверность.

В связи с надписью № 2 Э. И. Соломоник занимается вопросом о херсонесском календаре и приходит к выводу, что календарь Херсонеса был заимствован, вероятно, из Гераклеи Понтийской и в конечном счете сводится к мегарскому календарю. Очень интересны пояснения к надписи № 6, которая представляет собой почетный декрет в честь какого-то иностранца, получившего от граждан Херсонеса проксению, права гражданства и другие привилегии. По мнению А. И. Тюменева, для проксений, связанных с торговыми отношениями, характерно указание на услуги, оказываемые гражданам, приезжающим в город проксена. Поскольку же в херсонесских проксениях такие указания отсутствуют, А. И. Тюменев считает, что дача проксений в Херсонесе не была связана с торговыми интересами. Э. И. Соломоник стоит на противоположной точке зрения. Институт проксении был в первую очередь вызван потребностями улучшить торговый обмен между государствами и играл эту роль на протяжении всей античной эпохи. Когда же проксения давалась с другой целью, то это обычно оговаривалось в мотивировочной части декрета. Таким образом, декреты безо всяких оговорок мы скорее вправе отнести к рядовым, т. е. связанным с торговлей.

Несмотря на то, что вторая глава содержит только одну надпись (№ 14), она очень интересна и ценна. В IOSPE, I², 399 В. В. Латышев опубликовал только незначительный обломок надписи, который позволил ему сделать единственный вывод, что декрет на-

писан на общегреческом языке — койнэ, без всяких доризмов. Но после того как Э. И. Соломоник сопоставила несколько неизданных фрагментов, поступивших в Херсонесский музей из частной коллекции, с обломком, опубликованным Латышевым, она убедительно доказала, что это вовсе не декрет, а два послания к херсонесцам: первое, видимо, было направлено в Херсонес наместником Нижней Мезии, второе — это впервые обнаруженное в Херсонесе послание римского императора Коммода. К этой надписи дается очень важный исторический комментарий. В конце II в. н. э. в Херсонесе обосновался римский гарнизон, которым командовал трибун. Несмотря на то, что город сохранял номинально свою автономию, он подчинялся власти Рима, диктуемой через наместника римской провинции Нижней Мезии. Легионеры защищали город и обеспечивали безопасность передвижения по дорогам, но за это граждане Херсонеса должны были содержать гарнизон. В данной надписи, как предполагает автор, речь идет именно о выделении средств из государственной казны на содержание римского гарнизона. Это вмешательство в финансовые дела города следует расценивать как важный шаг на пути полного подчинения Херсонеса Риму.

В третьей главе рассматривается эпиграфический материал, относящийся к посвящениям (*tituli dedicatorii* № 15—19). Найденные обломки не дают возможности полностью восстановить текст надписей, но в фрагменте № 15, изданном в IOSPE без чтения, автору удалось дополнить имя богини Деметры, культ которой играл важную роль в жизни Херсонеса. Культ Деметры, как известно, был широко распространен во всем античном мире, в том числе и в городах Северного Причерноморья, но в эпиграфике Херсонеса ее имя встречается впервые и поэтому новая надпись имеет особенно большое значение.

В четвертой главе рассматриваются три надписи (№ 20—22), содержащие агонистические каталоги и списки имен. В связи с этим Э. И. Соломоник вносит интересные дополнения в характеристику спорта и состязаний в Херсонесе римского времени.

Пятая глава посвящена строительным надписям (№ 23—27). Особый интерес вызывает надпись № 25, которая свидетельствует о сооружении оборонительной стены Херсонеса в первые века н. э. После тщательного анализа текста Э. И. Соломоник предлагает два варианта его дополнения и одновременно дает краткую историю строительства оборонительных сооружений Херсонеса. Это строительство началось еще в конце V в. до н. э. и в основном было завершено к III в. до н. э. В III—II вв. до н. э. на Херсонес часто нападали соседние племена, а в конце II в. до н. э. херсонесцы вели открытую войну со скифским государством. В последующий период наблюдается некоторый упадок экономической и политической жизни города, но в первые века н. э. снова наступает подъем, хотя, с другой стороны, возобновились военные нападения скифов на Херсонес. Автор приходит к выводу, что к этому периоду относится восстановление пострадавших от войн и времени стен города. Тогда велось, вероятно, также новое крепостное строительство с целью усиления всей системы обороны.

В шестой главе помещены надгробные надписи (№ 28—58). Несмотря на то, что многие из них повреждены и текст их состоит в большинстве случаев всего лишь из нескольких слов, они все же дают автору обильный материал для выявления локальных типов надгробий, формул эпитафий и экскурса в область греческих собственных имен и грамматических форм. Очень интересна надпись № 44. Латышев опубликовал ее в IOSPE, I² в разделе *Varia*, но она считалась нечитаемой: *ΟΝΑΟΤΑ* *vas. ΠΑΛΑΚΙΚΟΝ* — — —. Если же, как предлагает Э. И. Соломоник, первую букву принять за Θ, а не за Ο, то возникает возможность бесспорно восстановить слово *τε[?]ναβτα*. Автор убедительно показывает, что это стихотворная эпитафия и что после слова *Παλακικόν* мог стоять относящийся к нему предлог *π[ε]ρί*, и, таким образом, получается контекст строки, написанной гекзаметром:

— *Ο τε[?]ναβτα Παλακικόν π[ε]ρί* — *Ο Ο Ο*

Комментируя эту надпись, Э. И. Соломоник приходит к выводу, что упомянутая Страбом крепость *Παλάκιον* и *Παλακικόν* (субстантивированное прилагательное) — это названия одной и той же крепости так же, как, например, *Κιμμέριον* и *Κιμμερικόν*. Рассматривая характерные особенности шрифта, автор относит данную надпись ко второй половине II в. до н. э., до декрета в честь Диофанта. Страбон упоминает о трех скифских крепостях — Палакий, Хабеи и Неаполь. В отличие от Страбона в указанном декрете названо две — Хабеи и Неаполь. Вполне возможно, что борьба за Палакий, начатая еще до похода Диофанта, как и борьба за Калос Лимен и Напит (надпись № 1), проводилась силами самих херсонесцев и поэтому в декрете в честь Диофанта о ней не упоминается. Очень убедительной является также локализация Палакия. «Хабеи и Неаполь, как указано в декрете в честь Диофанта, находились в середине Скифии. Последовательность их перечисления, по всей вероятности, соответствует направлению движения войск Диофанта от Херсонеса на север в срединную часть Крыма. Если такой же порядок перечисления крепостей у Страбона не случаен, а восходит к источнику, в котором они названы в порядке их географического расположения от Херсонеса к центру Крыма, то можно предположить, что Палакий, назван-

ный первым, должен был находиться ближе всех к Херсонесу, а следовательно, представлял собой наиболее удобный пункт для нападения херсонесцев» (стр. 96—97). Очень ценны пояснения автора к метрической эпитафии (№ 58) о том, что в позднеримский перипод в Херсонесе почитали бога Гелиоса, культ которого связан с заупокойным культом, как об этом свидетельствует изображение жеста адорации на памятнике.

Седьмая глава заключает в себе латинские надписи (№ 59—72), связанные с пребыванием в Херсонесе римского гарнизона, направленного из Нижней Мезии. Собранный автором материал имеет громадное значение для изучения периода римского владычества в Херсонесе. Особое внимание уделяется надписи Тита Флавия Цельсина на алтаре, найденном в 1957 г. при раскопках театра (№ 59). В комментарии даются пояснения по поводу римского гарнизона в Херсонесе и впервые встреченной там должности бенефициария *beneficiarius consularis*. Бенефициариями назывались солдаты римской армии, имевшие некоторые привилегии — освобождение от обычных караулов, земляных работ и фуражировки, но *beneficarii consulares* подчинялись наместникам или легатам провинции и занимали административные посты внутри лагерей или вне лагерей, на скрещении сухопутных дорог, обеспечивали безопасность движения по дорогам. Изучение алтаря показало, что тот же бенефициарий Тит Флавий Цельсин поставил алтарь, посвященный Юпитеру, в римском укреплении Хараксе, где тоже существовал пост бенефициариев. Сопоставляя надписи на этих двух алтарях, Э. И. Соломоник указывает на самые тесные связи между Херсонесом и Хараксом, которые объединяла, по всей вероятности, сухопутная дорога *via militaris*. Наконец, в связи с этим памятником установлено значение культа Немесиды в Херсонесе, его синкретический характер, связь с театром и римскими легионерами. Не менее интересными являются пояснения к посвященным надписям Тита Эренния (№ 60), где впервые назван *ordinatus* — центурион римского легиона или вспомогательной когорты, и к надгробной надписи моряка Мезийской эскадры Элия Максима (№ 62) — *miles classis Flaviae Moesicae*. Эта надпись свидетельствует о том, что наряду с сухопутными войсками в Херсонесе находился также военный флот для охраны берегов.

В восьмой главе — *Varia* (№ 74—108) — собраны и проанализированы различные надписи, которые вследствие своей фрагментарности не дают возможности точно определить их характер и содержание, но можно питать надежду, что со временем новые находки позволят ликвидировать этот пробел.

В заключение (стр. 180—190) автор подводит итоги всего исследования, раскрывая значение вновь найденных эпиграфических памятников для изучения истории, быта, экономики и культуры Херсонеса.

Алфавитный указатель собственных имен и другие указатели соответствуют современным требованиям публикации эпиграфических памятников, помогая специалистам использовать новый материал. Очень полезной является впервые составленная Э. И. Соломоник таблица датированных надписей Херсонеса (стр. 189). Здесь в хронологическом порядке представлены по соответствующим периодам формы греческих букв, которые встречаются в херсонесских надписях.

В целом книга Э. И. Соломоник, базирующаяся на отличном знании материала и новейших достижений в области греческой эпиграфики, является замечательным продолжением и дополнением выдающегося труда В. В. Латышева. Это ценный вклад не только в советскую эпиграфику. «Новые эпиграфические памятники Херсонеса» в значительной мере помогут проследить связи между греческими колониями Западного и Северного Причерноморья. Исследовательская наблюдательность, убедительность доказательств, ясность и последовательность изложения — вот главные черты научного труда Э. И. Соломоник. Учитывая богатство собранного эпиграфического материала, строго научный подход ко всем вопросам, громадное количество использованной литературы и большую эрудицию автора, рекомендуем эту книгу каждому, кто занимается изучением греческого и латинского языков, истории, экономики и культуры античного мира.

Наконец, хотелось бы отметить, что издательство «Наукова думка» хорошо справились с техническими трудностями при подготовке книги, но, к сожалению, выпустило ее таким небольшим тиражом, что она сразу же превратилась в библиографическую редкость.

И. И. Андрейчук